

Ольга Танган

Жена художника*

В реальной жизни бабушка Полина очень ругала тех, кто рожал детей непродуманно, неподготовленно:

– Вот я семь лет прожила в браке, прежде чем родить ребенка. Ждала, пока муж встанет на ноги.

У племянницы Нюренберга – Майи Нюренберг – рано родилась дочь. Когда дочке исполнилось два года, Майя осталась без мужа. Она пришла к моему деду. До сих пор, а ей теперь больше 90 лет, и она живет с семьей дочери в Бостоне, она вспоминает, какую отповедь получила тогда от бабушки Полины:

– Когда я пришла в дом к Нюренбергам с двухлетней Наташей, Полина на меня набросилась: «Зачем ты родила ребенка непонятно от кого? Как ты собираешься воспитывать свою дочь? Вот я семь лет прожила с мужем, прежде чем родить...». Нелька за меня вступилась: «Оставь Майку в покое. Вон у тебя сидит твой подчиненный. Так им и руководи».

Привычка «руководить» в первую очередь проявлялась у Полины в отношениях с дочерью. Выведя ее на большую сцену, Полина считала себя главой проекта «Нина Нелина» и заявляла на него свои права. Трифонов видел это несколько упрощенно:

«Вера Лазаревна жила недалеко, через два дома, и приходила к Лене почти ежедневно под предлогом «помочь Наташеньке» и «облегчить Ленусе», а на самом деле с единственной целью – беспардонно вмешиваться в чужую жизнь».**

* Окончание. Начало в кн. 87.

** Ю. Трифонов. Обмен. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 11.

«Руководя» дочь и отстаивая ее интересы, понимаемые по своему, Полина не ограничивалась ее личной жизнью. Так, в повести «Долгое прощание» теща, защищая дочь от домогательств режиссера, отправляет начальству обличительное письмо:

«Ляля увидела несколько страниц, исписанных чернилами, и с ужасом узнала знакомый почерк – писала мать!

Вот оно, самое страшное, чего Ляля больше всего боялась. Мать добивается справедливости. Господи, ведь сколько раз было сказано, умоляла ее, стояла перед ней на коленях* – чтобы не смела вмешиваться, чтобы никаких писем, жалоб! Любимое занятие: писать письма. Когда-то писала директору школы с требованием, чтобы письмо обсуждалось на родительском совете, писала в роно, потом, когда Лялю не приняли в театральное училище, писала в министерство.

Она и дома, когда сердится на кого-то, выясняет отношения с помощью писем. Нередко Ляля, проснувшись, находила на своем столе страницы две, три, четыре, а то и больше, бывало до целой ученической тетради, исписанные крупными слитными строчками без знаков препинания: «Людмила ты должна знать что когда берешь чужую вещь ее необходимо возвратить не дожидаясь просьбы это не деликатно ты взяла мою черную меховую накидку»...

Подавив стон, Ляля придвинула к себе рукописные листки – сразу узнала большую счетоводческую книгу отца, из которой листки были вырваны, – и стала бегло читать, перескакивая через строчки. Читать подробно, вникая в каждое слово, не было сил. «Обращается мать молодой артистки... Еще в школьном драмкружке, которым руководил заслуженный артист... Шестой год после зачисления в труппу... Неужели наша артистическая молодежь должна... До каких пор самовластье режиссеров...»

Ляля увидела фразу, которую при первом чтении проскочила: «...не пошла ему навстречу, после чего последовала режиссерская месть, оба спектакля, им поставленные...» О-о! Ну, зачем же это?

* Действительно, мама иногда вставала перед бабушкой на колени, стараясь ее в чем-то убедить.

Зачем, боже мой, зачем, зачем? Теперь Ляля не могла поднять глаз на Смурного и тянула время, шевеля губами, делая вид, что с трудом разбирает почерк. Смурной терпеливо ждал...

Мать сотворила глупость, но ведь написала правду. Он знает, что написала правду, но делает оловянные глаза и требует – боже мой, чего же он требует? – чтобы она, Ляля, стыдилась за мать, чтобы умирала от чувства стыда, и этот стыд был бы некоторой оплатой за те неприятности, которые он испытал, получив письмо, пересланное из высшей инстанции.

Теперь уже все равно. Значит, стыдиться за мать не нужно. Зачем стыдиться за несчастную женщину, которая терзается и не спит ночей из-за дочкиных неурядиц и пытается в меру своего разумения... Да ведь главное, главное: написала правду! Все правда от первой до последней строчки.

И, совершенно успокоившись, Ляля выложила все это Смурному.**

Излишне добавлять, что подобное событие действительно имело место. Говорили, что самая разумная из сестер Мамичевых – Ольга – уговаривала Полину не посылать письма в театр, но бабушку ничем нельзя было остановить. Она отказывалась смириться с мыслью, что дочь не только не нуждается в ее попечении, но и лучше нее разбирается в своих делах, а заступничество матери только унижает ее в глазах коллег и выставляет в глупом свете. Она не хотела считаться с тем, что даже самый хороший предводитель должен в какой-то момент «сдать дела», от которых отстал по жизни, иначе нанесет своему же делу непоправимый ущерб.

Естественно, бабушкино письмо никак не помогло маме, более того, до предела осложнило ее ситуацию в Большом театре, из-за чего Нелина в 1957 г. перевелась в Госконцерт.*** Такое понижение в карьере после двух десятков главных ролей в главном театре страны явилось причиной постоянных бабушкиных страданий. Она всюду искала виновных, но причины крылись глубже.

** Ю. Трифонов. Долгое прощание. – Там же, с. 130-131.

*** Л.Д. Рыбакова. Нелина. В кн.: Большой театр России. Энциклопедия. Под ред. В.Н. Варганова. – М., 2010.

1963. Примбалтика. Нина Нелина, Ольга и Полина Мамичева. На фото рядом с дочерью у Мамичевой было часто расстроенное выражение лица

У французов есть пословица: «Характер – это судьба». У Нелиной был достаточно крутой «мамичевский» нрав, но у Полины он был еще круче, и мама всегда уступала бабушке. Трифонов с сожалением писал об отношениях жены и тещи:

«Она будет в ее власти всегда. До чьей-нибудь смерти».*

Помню, как однажды я с мамой возвращалась домой от бабушки с дедушкой. И мама, поглядев на меня снизу вверх (я уже была выше ее ростом), сказала мне немного виновато:

– Если я умру, то из-за бабушки.

В тот момент я не придавала значения ее словам. Совершенно не представляла себе, что она могла бы внезапно умереть.

Трифонов, чей психологический тип поэт Борис Слуцкий обозначил как «флегматичный напор», обладал столь же твер-

* Ю. Трифонов. Долгое прощание. – Там же, с. 209.

дым характером, как Полина, но проявлял его реже и не столь резко. В семье он доминировал над мамой даже в годы, когда удача, казалось бы, от него отвернулась. Сопротивляемость Нелиной ослаблялись еще и стрессами в Большом театре, для которого она оказалась слишком инфантильной. В отличие от коллег, «выгрызших зубами» свои места и роли, успех достался ей слишком легко. Нелина оказалась в четырехугольнике: она, неостановимо радеющая за нее мать, неуступчивый муж и перегруженный страстями и интригами театр. И она, отказавшись от звездной карьеры ради семьи, стала заниматься домашним благоустройством и как секретарша – литературными делами отца.

После выхода романа «Утоление жажды» в 1963 году Трифонов купил недостроенную дачу в поселке писателей «Красная Пахра», и мама взялась ее достраивать. Трифонов, безразличный к хозяйственным делам, во всем этом участия не принимал, что создавало в семье сильные напряжения, подогреваемые еще и Полиной. У бабушки еще теплилась надежда, что дочь, решив бытовые проблемы, вернется в оперу, но вместо этого Нелина, надорвавшись на строительстве дачи, стала жаловаться на сердце и уволилась из Госконцерта по состоянию здоровья.**

Здоровье Нелиной продолжало ухудшаться, и знакомый врач Нюренбергов заподозрил у нее предынфарктное состояние. Трифонов относился к недомоганиям жены не вполне серьезно, списывая их на расхолодившиеся нервы. Занятый своей работой, он не поехал с женой в Друскининкай, где Нелина надеялась поправить здоровье. Она сняла комнату в частном секторе и на следующий день после конфликтного разговора с мужем по телефону Нелина внезапно скончалась, как официально объявили, от инфаркта миокарда – 26 сентября 1966 года в возрасте сорока трех лет.

Друг Нюренберга, Виктор Мидлер, знавший Нелину с рождения, написал письмо на ее преждевременную смерть:

** Л.Д. Рыбакова. Нелина. В кн.: Большой театр России. Энциклопедия. Под ред. В.Н. Варганова. – М., 2010.

«Дорогая Нелли!

Твои родные, твои друзья пришли сюда проводить тебя в другой, неизведанный мир. Слишком рано, слишком неожиданно, скоростижно, мы расстаемся. Горе, безутешное горе твоих родных следует за тобой.

Давно было другое! Я встретил твою мать, которая тебя – крошку, несла на руках. Рядом был отец. Радость и надежда светились в их глазах. Ты выросла, а мы – твои друзья, пришли в Большой театр послушать твой талантливый голос. Ты пела Розину, и мы радовались вместе с огромным числом слушателей и благословили новую талантливую девушку на долгую большую творческую жизнь.

Судьба по-другому решила и распорядилась. Она злостно оторвала тебя от всех нас, несвоевременно, не подготовив ни тебя, ни твоих родных к этому несправедливому событию.

Что мы можем еще сказать? Прости, прощай, дорогая Нелли. Если есть мир где-то, другой мир, какая-либо жизнь, мы всем сердцем тебе ее пожелаем.

Виктор Мидлер»

В смерти дочери Полина обвинила Трифонова. Я присутствовала на похоронах, но была в шоковом состоянии и абсолютно ничего не помню. Мне рассказывали, что пришло много знакомых, было много известных людей. Бабушка Полина выкрикивала: «Убийца Нели – среди нас!». Бросалась на гроб, ее оттаскивали, давали успокаивающее. Все это знаю лишь по рассказам очевидцев.

Для Полины смерть дочери стала не только трагедией матери, потерявшей ребенка. Обрушилось дело всей ее жизни, не оставив даже призрачных надежд что-то как-то исправить. Для бабушки с дедом Трифонов сделался главным врагом, который «угнал Нелю на тот свет». Дед рассылал по разным инстанциям напечатанные на машинке открытое письмо Трифонову на 20 страницах и «Дневник Нины Нелиной» о последнем горьком периоде ее семейной жизни. Нюрнберги порочили Трифонова в разных учреждениях, в том числе Союзе писателей, обвиняя во всех смертных грехах, и Трифонову несколько раз приходилось давать малоприятные объяснения. В частных

разговорах бабушка величала состоявшегося писателя просто «Юркой», а окружающих его уважаемых литературных дам – «марухами». К счастью, их всерьез не воспринимали – думали, старики просто помешались от горя. Должна признаться, что я тоже так думала.

Трифонов регулярно получал от бывшей тещи ругательные послания. Обычно он выбрасывал их, не читая, догадываясь, что она могла написать. Бабушка также донимала отца ночными звонками с проклятиями. Могла ему выкрикнуть в трубку только одно слово: «Убийца!». После таких ночных звонков трудно было снова уснуть. Однажды я видела, что у отца после этого дрожали руки. Полина устраивала ему настоящий психологический террор.

Бабушка как-то сказала своей племяннице Тамаре Куколевой:
– Утром просыпаюсь. Опять день. Не хочу жить. Только Ольгу жалко.

Помню, как она говорила с грустью, что ей без мамы скучно жить. «На кого девку оставила?» – сетовала она на дочь. Один раз она воскликнула: «Мы так любили друг друга!». Еще бабушка часто вспоминала выражение: «На страданье Бог силы дает». Часто повторяла мудрость библейского царя Соломона, который носил на руке кольцо с надписью: «И это пройдет».

Часто, однако, наши встречи с ней кончались грубыми и, как мне тогда казалось, беспочвенными нападками на отца. Дед был более выдержанным, иногда он останавливал ее по-французски: «Il n'est faut pas».* Но бабушку невозможно было остановить. Ей были присущи резкие перепады настроений – от бешеного гнева до безумной любви. Мне она говорила: «Я безумно любила Нелю» или «Я тебя безумно люблю». Однако ее «безумная любовь» часто ложилась на человека тяжким грузом. В отношениях с мужем проявлялось то же самое.

«Янина Владимировна порой считала Иону Александровича дураком и заявляла об этом твердо и ясно. А порой считала очень умным человеком. Она говорила: «Все знают, что

* «Не надо» – фр.

ты дурак, и тебя легко обмануть». Иногда говорила: «Иона, зачем ты вступаешь в спор? Они не стоят твоего мизинца. Ты умнее всех в этом доме».*

В отличие от деда, который был прекрасным и остроумным рассказчиком, бабушка говорила мало. Отсутствие красноречия она компенсировала бесконечными письмами, где отстаивала ту или иную точку зрения, разоблачала плохих людей и клеймила плохие поступки. Целью своих писем она считала «срывание масок» с того или иного лица. Писать ей было нелегко, но ее просто разрывали чувства и мысли, которые просились на бумагу. Писала она на всем, что попадалось под руку – то в школьных тетрадях, а то и на обрывках бумаг. Иногда она сооружала из бумаг своего рода папирусы, склеивая их в длинные свитки.

Бабушкина сестра Дина, которая тоже ярко проявляла себя в эпистолярном жанре, по словам ее дочери Тамары, жаловалась:

– Вот сижу и все думаю, думаю. Умру когда-нибудь от этих думок.

В таком состоянии «раздумий» находилась и моя бабушка, когда писала свои письма. Они были разными по настроению. Иногда ласковые, иногда гневные. Иногда спокойные, иногда горячие, перевозбужденные. Часто ее письма становились пророческими, о чем писал мне дед:

«Ты, вероятно, Ольга заметила, что все письма твоей нервной бабушки Полины рано или поздно оказываются пророческими».

В другом месте Нюрнберг давал еще более интересную и точную характеристику писем бабушки Полины:

«Несколько слов о бабушке Полине

Надо признаться, Ольга, что не все ее письма рождены здоровыми подозрениями. Некоторые из них кажутся даже близкими к страданиям. Но есть такие, что кажется, это не письма, а крики».

* Ю. Трифонов. Посещение Марка Шагала. В кн.: Ю. Трифонов. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. – М.: Художественная литература, 1987, с. 234.

Трудно передать неподражаемый тон и уникальную лексику этих писем. Хотя бабушка родилась и выросла в Москве, некоторые ее простонародные выражения я ни от кого больше не слышала: например, «кундепать» – плохо работать (шить), «маруха» – женщина легкого поведения, «пичкать» – насильно кормить. В словах «понял» и «поняла» – она ставила ударение не там, где положено. Бабушка не училась в гимназии и грамотностью не отличалась. Знаками препинания себя не утруждала. При этом она обладала природным умом и народным языком. А многие ее письма стали действительно пророческими.

Бабушка любила меня в письмах наставлять. Раньше я возмущалась ее непререкаемым тоном, не соглашалась с ее постулатами. Но теперь дорожу этими письмами как реликвиями, вижу в них заботу о себе. Жалею, что никто больше не борется за меня столь жаростно.

Из «Дневника» Нины Нелиной:

«Бабуля накатала Оле письмо о жизни».**

Как и за маму, бабушка безоглядно бросалась в бой и за меня, что выглядело иногда нелепо, а чаще неуместно. В 1975 году у меня родилась дочь Катя, которая так мало весила, что я скрывала от некоторых знакомых ее вес 2550 г. Помню, как однажды в палату родильного отделения пришла сестра и сообщила:

– Звонила ваша бабушка. Спросила: почему такая здоровая девка родила такого маленького ребенка?

Что могли ответить на бабушкину претензию? Ей в ту пору было уже более восьмидесяти.

В связи с бабушкой Полиной вспоминается карикатура В. Ложкина, на которой изображена старуха рядом с телефоном и написано: «Я сейчас в Кремль позвоню!». Такой была и моя бабушка Полина. Она никогда ни перед кем не тушевалась, могла позвонить и в Кремль. Собственно говоря, один раз так и произошло. Один раз он (возможно, по совету Полины) написал письмо в Кремль, самому генеральному секретарю Леониду Брежневу. В письме Нюрнберг описал трудности старого заслуженного

** Нина Нелина. Дневники разных лет. – Личный архив Ольги Танганя.

художника, смерть единственной дочери и попросил помочь в предоставлении отдельной квартиры. И Леонид Брежнев действительно пошел ему навстречу. Говорили, что он отличался добрым сердцем. Последние пять лет жизни Нюрнберги провели в небольшой, но отдельной двухкомнатной квартире рядом с метро «Войковская».

Должна сказать, что на самом деле бабушка была лучше, чем производила впечатление. У нее было доброе сердце, а все письма и проклятия следовало воспринимать как предупреждение. Помню, как дед однажды сказал удивившую меня фразу:

– Полина никогда не может быть злой до конца.

Поскольку они сильно не ладили с отцом, я насторожилась. Что бы это значило, «быть злой до конца»? Убить отца, что ли? Я обеспокоилась, так как всегда защищала от них отца.

Но теперь я лучше понимаю деда. Бабушка была непоследовательной. Она могла на тебя накинуться и тут же пожалеть, приласкать. Бабушка была против моего рождения, но именно она и занималась со мной больше других, когда я родилась. Она возилась со мной в младенчестве – заворачивала меня в вату, поскольку я родилась холодной зимой, была недоношенной, весила чуть более 2 кг и не могла согреться в своем теле. Когда я подросла, она оставалась со мной дома, поскольку мама работала, а отец часто ездил в командировки. Лето они с дедом проводили вместе со мной на даче. Помню, как она пела мне колыбельную: «Спи, моя крошка, усни. В доме погасли огни, дверь ни одна не скрипит, кошка под лавкою спит...».

Привожу отрывок оригинального письма бабушки Полины от 1968 года, адресованного Инне Гофф. Оно написано непривычно для нее грамотно. Видимо, дед его подправил. Но все ее мысли мне знакомы: они о муже, об умершей дочери и обо мне:

«Единственное, что утешает нас, что скоро мы уйдем к ней. У нас там уже есть памятник для нас с мужем. Бывает состояние покончить с жизнью, но у мужа много незаконченных дел на земле. Скоро выйдет его книжка. Открытки с его произведе-

ний. Он распределяет свои вещи по музеям. Недавно у него взяли 35 вещей в Третьяковку. Он хочет и в другие музеи. Много послал на родину. Есть в Пушкинском музее. На Кавказе. В Маяковском, в музее Красной армии, в музее Революции. Конечно, главная трагедия – Оля. Мы делаем все, чтобы облегчить ее жизнь в будущем».

Бабушкина сестра Дина как-то сказала:

– Полинка была в нашей семье самой доброй. Она всех обшивала, всем помогала. Потом вышла замуж за Амшейку. Стала злой и жадной.

На самом деле бабушка стала злой не из-за деда, а из-за той жизни, которая их окружала. Помню, как однажды она сказала мне с ожесточением:

– Чтоб весь этот мир провалился!

Я испугалась:

– Бабушка, а как же я?

Она ответила:

– У тебя ноги длинные. Ты убежишь!

Абсурдный ответ, но в чем-то провидческий. Я действительно в какой-то момент «убежала».

Хотелось бы закончить описание Полины словами одной из ее сестер – Шуры. Та была самой некрасивой из детей Мамичевых и, к тому же, несчастной в личном плане. Но она жалела Полину, приходила в Дом художников помогать ей по хозяйству. Даже помню ее немного: она всегда курила папиросы. В повести «Долгое прощание» Тамара Игнатъевна (списанная с Шуры Мамичевой) защищала свою сестру перед зятем:

«... [Тамара Игнатъевна] сказала мягко и даже просительно: – А все же вы на нее не сердитесь, ладно? Знаете, какая Ирина была красивая! Сколько у нее было предложений в двадцать третьем году! Она была просто замечательная. Она же балерина. Училась у Полякова, в студии на Бронной. Мы бегали всей оравой смотреть. Поляков предлагал уехать в Ригу. И не поехала, маму пожалела – отец наш как раз умер, у Коли были неприятности... Вот чего не отнимешь: она семье предана. Ведь вся Иркина молодость, все ее надежды, таланты какие-никакие, но что-то ведь было – все в землю ушло.

Вот вам, Гриша, и счастье, жизнь кончается... Ой, такая она глупая, наивная, если рассказать...»*

Записка 90-летнего Нюренберга после того, как бабушка попала в Боткинскую больницу с переломом шейки бедра, откуда она уже не вышла и где умерла в возрасте 84 лет:

«Моя дорогая и любимая!

После твоего отъезда я зашел в спальню и поглядел на твою постель. Она произвела на меня мрачное впечатление. Вещи лежали в беспорядке и свидетельствовали о больших твоих страданиях.

Я вспомнил фразу одного писателя: «Мы старимся под бременем тяжелых годов» «Человек с очень подрезанными крыльями быстро познается...»

Сегодня я только о тебе думал. Кто теперь меня утром будет звать: «Иди, дружок, завтракать! Искусство – потом. Тебе нужны силы, чтобы жить! Не забудь, Амшей, о 20 каплях адонизиды! Непременно думать о картинах!»

Больше полвека ты меня кормила, поддерживала. И утешала.

Кто тебя может заменить?

Вечно я тебя нежно и глубоко любил.

Всегда для тебя, Амшей».

Вспоминается моя последняя встреча с бабушкой в Боткинской больнице. Накануне мне позвонил дед и попросил, чтобы я поехала и навестила бабушку. Дед простудился и остался дома. А так он сам каждый день ездил к ней в больницу на такси. В то время я была беременна второй дочерью Ниной. Мы с мужем приехали. Бабушка лежала одна в комнате для умирающих. Она была в сознании и ясном уме. Обрадовалась, увидев нас. Сказала моему мужу немного игриво:

– А, Андрюша.

Я ее спросила, знал ли дед о ее состоянии. Она ответила:

– Нет. Не хочу его огорчать.

Наутро она умерла. Мы поехали к деду, сообщили ему об этом. Он долго плакал, качаясь на стуле. В этот день мы забрали его

* Ю. Трифонов. Долгое прощание. В кн.: Ю. Трифонов. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1978, с. 177.

1960-е годы. Москва. Полина и Амшей Нюренберги

к себе домой, мы тогда жили в квартире моего свекра на ул. Чайковского.

Прощальное письмо Нюренберга своей умершей жене:
«11 февраля 1978

Сегодня ночью во сне умерла моя нежно любимая, безгранично близкая, сердечная и душевно чуткая Полина, которую я всегда называл девочкой.

Когда Оля мне сказала, что Полина умерла, я полчаса метался и истерично охал, бил себя в грудь. Не сумели мы и врачи поддержать ее слабое сердце и снять ее нечеловеческие страдания.

Новый крематорий.

Ее сжигали 13 февраля в новом крематории (находится под Москвой). Свирепствовала бешеная метель. Здание крематория напоминало ультрастилизированный сарай. Архитектору крематория удалось придушить воображение людей, окружавших дорожного покойника. Вместо покоя и утешения попавший в здание

крематория был охвачен безнадежностью и жестокой местью за веру в новую утешительную форму. Страшный, жестокий сарай – так выглядит крематорий. Особенно зимой. Казалось, что покойники возмущались архитектором.

Я не могу жить и работать в комнате, где лежат и висят ее вещи.

Вот ее любимая цветистая кофта, шуба меховая, сапожки в складках, которые сохранили ее характер, волю и состояние поспешности. Шарфы зимние – красный и фиолетовый.

Вот летний шарф нашей Нели. Мы оба с волнующей сердечностью одевали его.

А в кухне все умыто ее усталыми руками».

Бабушка Полина умерла, успокоившись на мой счет. Я была замужем, родила первую дочь и ожидала рождение второй. Она познакомилась и с моим мужем, и с его родственниками. Ее обязательства перед рано ушедшей дочерью были выполнены.

* * *

Бабушка Полина часто повторяла мне: «Ты потом все узнаешь», «Потом все поймешь». Что мне надо было позже понять? Что же мне было делать? Ведь я любила и бабушку с дедушкой, и своего отца. Вопрос должен был формулироваться иначе: кому я больше доверяла? Вначале я, безусловно, больше доверяла отцу. Считала, что Нюрнберги наговаривали на Трифонова, обвиняя его в смерти единственной дочери. Отец ведь всегда был такой спокойный и интеллигентный. А бабушка, напротив, была конфликтным и несдержанным человеком.

Помню свой один разговор с бабушкой Полиной. Я ее спросила:

– Зачем ты все время нападаешь на отца?

Она ответила:

– Чтобы он лучше о тебе заботился. Он нас боится. Скажи спасибо, что мы долго живем.

Помню, как меня поразили тогда ее слова. Оказалось, что она сознательно и рационально нападала на отца, причем делала это в моих интересах. А я всегда думала, что она нападала на него от безутешного горя.

Но, видимо, отец их и впрямь побаивался. Пока Нюренберги были живы, ни на какие серьезные перемены он не решался. Отец с головой ушел в творчество и создавал одно за другим свои лучшие произведения. По совпадению или нет, со смертью бабушки в 1978 г. закончился и его «золотой период». Трифонов наконец стал пожинать плоды пришедшей к нему мировой славы, отдался от старых друзей и полностью переустроил свою жизнь. Лишившись привычной «среды обитания», он через три года заболел и умер в возрасте 55 лет.

Получилось, что бабушка, терроризируя Трифонова, подтолкнула его к творческому прорыву. И наоборот, вырастив дочь и сделав из нее певицу, излишней опекой навредила ее карьере и не довела до конца главное дело своей жизни. При этом и зять, и дочь преждевременно умерли. Мне кажется, что отец, изображая Полину, не понял или не захотел понять драму ее жизни.

Сразу после похорон дочери Нюренберги заготовили себе мраморный камень, где были выбиты слова: «Амшей Нюренберг – художник» и «Полина Мамичева-Нюренберг, страдающая мать». Последняя эпитафия долгое время казалась мне слишком драматичной, на грани безвкусицы. Лишь сейчас я поняла ее смысл.

